

*А.В. ЮРЕВИЧ*

## «ПУБЛИКУЙСЯ ИЛИ ГИБНИ...»

В каждой шутке есть доля шутки  
*Поговорка*

Наука, надо отдать ей должное, внесла весомый вклад в тот всемирный бумажный поток, который начал захлестывать человечество, точнее, его образованную часть, после изобретения книгопечатания. Один из главных законов научной деятельности, открытый Р. Мертоном, сформулирован им в виде инструкции: «publish or perish» — «публикуйся или гибни». Именно этот закон побуждает ученых с самого начала своей научной карьеры включаться в гонку публикаций, изводить тонны бумаги и ставить рекорды, подобные установленному английским энтомологом Т. Коккерелом, который за свою не такую уж долгую жизнь опубликовал 3904 научные работы. Не ударили лицом в грязь и психологи<sup>1</sup>, тоже продемонстрировавшие изрядную писучесть. Например, В. Вундт за 68 лет научных занятий опубликовал 53735 страниц, что в среднем составляет две страницы в день. Эти ориентиры и должны ставить перед собой начинающие гуманитарии — плох тот солдат, который не хочет стать генералом.

Публикация для ученого — то же самое, что печать для чиновника или оружие для военного<sup>2</sup>, не имея их, он вообще не считается полноценным членом научного сообщества. Ученый должен что-то публиковать и чем больше, тем лучше. Качество и содержание написанного, хотя иногда и принимаются во внимание, играют куда меньшую роль, чем количество. По крайней мере, при проведении аттестаций, от которых решающим образом зависят должность и зарплата ученых, учитывается только количество их публикаций, а не то, что именно и о чем они пишут. Вообще в науке количественно исчисляемое имеет куда больший вес, чем не исчисляемое — в силу того, что его можно подсчитать, а, стало быть, сказать, много его или мало. Много — хорошо, мало — плохо.

Тем не менее, для ученых все же имеет немалое значение, что именно писать. Речь идет не о качестве написанного, а о жанре. По этому признаку ученых можно разделить на три категории: а) пишущие тезисы, б) пишущие статьи, в) пишущие книги. Вообще ничего не пишущие в силу закона «пуб-

---

**Юревич Андрей Владиславович** — доктор психологических наук, профессор, директор Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН. Адрес: 103012, РФ, г. Москва, Старопанский пер., д. 1/5. Телефон: (095) 2985722 Факс: (095) 9259911 Электронная почта: yurev@orc.ru

<sup>1</sup> Это особенно отрадно потому, что автор тоже психолог.

<sup>2</sup> Мы здесь не говорим о других важнейших функциях научных и всех прочих текстов, которые позволяют превратить личные впечатления автора в его заслугу, остановить мчащуюся жизнь, «поймав» ее в текст и т. п. Все это, наверняка, очевидно для любого культурного читателя.

ликуйся или гибни» в науке не жизнеспособны и их можно вообще не рассматривать.

### Универсальные тезисы

Пишущие в основном тезисы — самая многочисленная и наименее престижная категория. Они используют тот же принцип, что и многие боксеры: если у тебя нет сильного удара (а у большинства научных сотрудников его нет), то поединок можно выиграть только по очкам. Тезисы — самый простой способ набирать эти очки, не растрчивая силы и ограничиваясь легкими ударами. Их могут подавать практически все участники любой научной конференции, даже те, кто в момент ее проведения находится совсем в другом месте. Обычно тезисы публикуют без какой-либо селекции, то есть отсеивания явного хлама, редактирования или сокращений. В результате тезисы не только не предполагают высокого качества продукта, но и представляют собой лучший способ донести авторскую мысль (или ее отсутствие) до читателя в нетронutom (рукой редактора) виде. Организаторы конференций обычно провозглашают, что будут опубликованы лучшие тезисы. Но наиболее сильные участники конференций тезисы, как правило, не сдают, поскольку заняты другими делами и к тому же предпочитают более престижные виды публикаций, поэтому организаторы вынуждены публиковать тезисы наиболее слабых. Можно сказать, что тезисы — наиболее демократичная, то есть общедоступная форма научной продукции.

Важное преимущество тезисов заключено и в том, что обычно они не превышают двух-трех страниц, а при подсчете количества публикаций ратцениваются как полноценная единица, приравниваясь к научным статьям. Скажем, десять страниц, опубликованных в качестве тезисов в препринтах десяти различных конференций, в числовом исчислении эквивалентны десяти научным статьям. А общее количество страниц опытные авторы обычно скрывают, называя количество своих работ, а не количество страниц в этих работах. Опытные «тезисотворцы» умеют экономить свои силы и посылают на разные конференции одни и те же тезисы под разными названиями (формально одна и та же работа, опубликованная под разными названиями, — это две разные работы). А подлинные мастера жанра имеют в своем арсенале универсальные тезисы (УТ), которые в силу их предельно универсального характера можно послать на любую конференцию, вне зависимости от того, обсуждаются там расширение Вселенной или проблемы животноводства. Настоящие же мастера жанра не останавливаются и на этом, а используют так называемые конструкторы — наборы фрагментов, комбинируя которые, можно быстро составить тезисы практически на любую тему. Словом, этот жанр при его кажущейся простоте и даже примитивности содержит в себе невообразимые возможности для творчества. Но и у него есть свои недостатки. Во-первых, участники конференций обычно сдают свои материалы в последний день и не в том виде, в каком требуют руководители форума. У последних не хватает терпения ждать, когда соберется весь пакет материалов. В результате податель тезисов рискует никогда не увидеть их изданными. Во-вторых, к ученому, сколотившему свой научный капитал исключительно из тезисов, в научной среде относятся довольно пренебрежительно, а иногда за злоупотребление этим способом украшения послужного списка

могут и не повысить в должности. Так что данным жанром, при всех его простоте и эффективности, лучше не злоупотреблять и использовать его в сочетании с другими.

### СО

Второй по трудоемкости жанр научных публикаций — научные статьи, которые и составляют основную часть океана литературы, который затопил науку после изобретения книгопечатания. Бытует мнение, что научные статьи и, соответственно, научные журналы, которые их печатают, нужны для того, чтобы информация как можно скорее распространялась в научном сообществе. Действительно, написать и издать статью можно куда быстрее, чем книгу, кроме того, не у всякого ученого хватит терпения, времени и словарного запаса, чтобы написать целую книгу, а на статью у него, как правило, хватает и первого, и второго, и третьего. К тому же, для наименее терпеливых — тех, кто не хочет ждать, пока статья будет опубликована, и стремится быстрее донести до научного сообщества свои гениальные мысли, существует еще и такая разновидность данного жанра как препринты, заранее уведомляющие сообщество, что будет написано в выходящей статье. К этой разновидности научной коммуникации часто прибегают ученые, которые не уверены, что их статья будет опубликована, и стремятся таким образом подстраховаться.

Конечно, скорость опубликования (СО), то есть отрезок времени между сдачей статьи в редакцию и ее выходом в свет, у разных статей разная. Основной фактор, влияющий на СО, это, разумеется, личность автора. Если автор — маститый или считающийся таковым ученый, к тому же состоящий в дружественных отношениях с членами редколлегии (ЧР), то его статью, естественно, опубликуют намного быстрее, чем статью его начинающего, не обремененного чинами и званиями коллеги (если тот к тому же не имеет высокопоставленных родственников, ситуация усугубляется). Существуют и авторы-изгои, которые постоянно бомбардируют своими творениями редакции журналов, не получая никакой обратной связи и уведомления о том, почему их статьи не печатают. Максимальная же скорость опубликования статей, естественно, у самих членов редколлегии. Причем физическое присутствие того или иного ЧР на заседании, где решается участь его статьи, не имеет большого значения. Впрочем, большинство ЧР на таких заседаниях, как правило, отсутствуют. Но всегда кто-то присутствует, а присутствующие, во-первых, солидарны с отсутствующими — даже с теми, кто отсутствует всегда, во-вторых, каждый присутствующий в следующий раз может оказаться в положении отсутствующего, а отсутствующий — в положении присутствующего. Поэтому статьи отсутствующих ЧР не принято «зарубать».

Если же абстрагироваться от этих крайних случаев — от изгоев, статьи которых не публикуют никогда, и от ЧР, статьи которых публикуют всегда и наиболее быстро, то средняя СО научной статьи составляет примерно полгода. Этот срок, несколько варьирующий в зависимости от количества номеров журнала, выходящих за год, и тому подобных обстоятельств, имеет глубокий смысл. С одной стороны, за это время типовой автор успевает забыть, о чем он писал, и к тому же потерять оригинал статьи, что дает редактору большую свободу в обращении с текстом. С другой стороны, за это время

автор еще не теряет надежды, что его статью опубликуют, и не успевает отнести ее в другой журнал. Правда, существует категория авторов, которые, написав статью, начинают пристраивать ее, иногда под разными названиями, в разные журналы. Но эта категория немногочисленна и не делает погоды.

Так или иначе, научные статьи либо не издаются вообще, либо издаются достаточно быстро. Именно данное обстоятельство и порождает представление о том, что статьи нужны для быстрого распространения научной информации. На самом же деле это большое заблуждение. Один из наиболее известных исследователей информационных процессов в науке Д. де Солла Прайс убедительно продемонстрировал, что почти половину статей, публикуемых в научных журналах, вообще никто не читает, кроме самого автора и редактора, а более или менее значительный круг читателей находит лишь один процент статей. Но если львиную долю научных статей вообще не читают, то возникает резонный вопрос: для кого они публикуются и, вообще, для кого существуют журналы? Ответ очевиден: для авторов и редакторов. Научные журналы существуют для того, чтобы ученые могли публиковать в них свои статьи, а редакторы немного подрабатывать, исправляя их грамматические ошибки.

Собственно, данный, установленный эмпирически, факт мог быть выведен и теоретическим путем — из закона «публикуйся или гибни». Вовлеченный в гонку публикаций ученый должен решить, читать ему или писать, поскольку на то и другое у него попросту не хватит времени. Если он сделает выбор в пользу второго, то погибнет, поскольку будет мало публиковаться. Соответственно, те, кто считается учеными — это, по определению, люди, сделавшие выбор в пользу второго. По известному анекдоту, это писатели, а не читатели. Читатели же вымываются из науки путем естественного отбора, поэтому основную часть научных статей никто не читает ввиду физического отсутствия читателей, то есть ученых читающего типа. А один процент научных статей, которые все-таки кто-то читает — следствие того, что вымывание читателей происходит не одновременно и прежде чем погибнуть (в качестве ученых) они все же успевают что-то прочитать.

Здесь можно усмотреть парадокс. Большинство научных статей содержит ссылки на другие научные статьи, которые авторы вроде бы прочитали, а стало быть, они должны уметь не только писать, но и читать. Но это тоже заблуждение. Во-первых, многие из ученых опираются в своих текстах лишь на ту литературу, которую прочитали в студенческие годы, когда еще не были учеными, то есть людьми, вовлеченными в гонку публикаций. Во-вторых, та литература, которая цитируется или используется автором статьи каким-либо иным образом, совсем не обязательно им прочитана. Существует прием так называемого вторичного использования, состоящий в том, что можно прочитать всего одну книгу, а потом цитировать описанные в ней работы. Есть аннотации, реферативные сборники и т. п., позволяющие узнавать содержание научных статей, не читая их и, таким образом, переваривать за час до ста единиц научной продукции. Существуют и другие приемы, позволяющие авторам статей делать вид, что они перечитали большое количество научной литературы, которую на самом деле в глаза не видели. Любой настоящий ученый должен ими владеть, иначе ему придется читать, что снизит его шансы на выживание в не терпящей задержек гонке.

Существенный вклад в сохранение иллюзии, будто научные статьи все-таки читают, вносит и известный психологический феномен, суть которого в том, что участники событий видят их не так, как внешние наблюдатели. От ученых можно часто услышать высказывания типа «Этот толковый Льстецов очень правильно оценил мою последнюю статью» или «Этот дурак Критиканов опять ничего не понял», основанные на презумпции, что, по крайней мере, Льстецов и Критиканов эту статью прочитали. Большая частота подобных высказываний создает иллюзию читаемости статей. Но обратим внимание на их важную общую черту: во всех подобных случаях о своих читателях и об их реакции говорят сами авторы. Довольно редко можно услышать высказывания типа «Льстецов хвалил статью Самохвалова», в которых ученые упоминают читателей чужих статей. Упоминание своих статей как читанных кем-то другим не лишено рекламной цели, создавая у окружающих чувство их популярности и провоцируя к их чтению. Но главное все же другое — вышеупомянутый феномен. Ученые искренне убеждены, что их собственные статьи читают, а статьи их коллег — нет. Правда, здесь действуют и другие хорошо известные психологические феномены: потребность в поддержании высокой самооценки, желание улучшить свой Я-образ и т. п.

#### **Феномен Лапьера**

Многие ученые, конечно, осознают защитно-психологическое происхождение своего представления о том, будто их статьи читают, и стараются обрести не только иллюзорных, но и реальных читателей. Один из типовых путей к этой цели — вручение препринтов и репринтов. В подобных ситуациях делается ставка на еще один психологический феномен — феномен Лапьера, краткая история обнаружения которого следующая. В мрачные времена маккартизма и расизма в Соединенных Штатах психолог Лапьер разослал ста владельцам американских отелей уведомление о том, что собирается остановиться у них с двумя ассистентами-китайцами, сопроводив письмо вопросом о том, готовы ли они принять такую кампанию. Только двое ответили согласием, остальные написали, что его лично принять готовы, но без всяких китайцев. Затем Лапьер проехался со своими китайцами по этим отелям и обнаружил обратную картину: только двое владельцев отказались их поселить, остальные же сделали это. Объяснение очень простое: к абстрактной вещи люди относятся не так, как к той же самой вещи, если она лежит (стоит) непосредственно перед ними. То же самое происходит и с научными публикациями: расчет делается на то, что любой потенциальный читатель скорее прочитает подаренную ему лично статью — в виде ее препринта или репринта, чем опубликованную в журнале, которого ему никто не дарил. Да и сам факт дарения зачастую обязывает, предполагая ответную благодарность — например, в виде прочтения подаренной статьи. Некоторые адресаты, правда, упорно стараются где-нибудь забыть подобный подарок, но им никак нельзя этого позволять.

К сожалению, в настоящее время нет надежных статистических данных, которые позволили бы судить о том, насколько результативна ставка на описанные психологические закономерности. Зато есть сведения о том, что во многих ситуациях они наталкиваются на сопротивление других закономер-

ностей. Например, позитивному воздействию первых противостоит типовая схема восприятия: «Тебе что, больше всех надо?», провоцирующая воспринимать дарящего статью как человека с завышенной самооценкой, непонятно почему решившего, что она может служить подарком. Сказывается и факт физической перегруженности квартир, в которых проживают ученые, всевозможной макулатурой, вследствие чего любая новая бумага воспринимается как хлам, от которого нужно избавиться. Благодарность же дарителю можно выразить и меньшей ценой, сказав типовые фразы: «интересно», «хорошо», «талантливо» и т. п., произнесение которых не требует чтения статьи. В результате подобных обстоятельств подаренные оттиски статей часто тут же, иногда на глазах у автора, отправляются в мусорную корзину.

Зная все это, ученые нередко используют другой прием — организуют обсуждение своих статей. Эта процедура технически проста, поскольку требует собрать определенное, варьирующее в зависимости от амбиций ее инициатора, количество участников в определенное время и в определенном месте, что те делать не любят. Конечно, наиболее эффективен обещанный после (но ни в коем случае не до) обсуждения банкет, но в этом случае цель редко оправдывает средства. Но, к счастью, к этому высоко затратному средству не обязательно прибегать, поскольку в научных учреждениях всегда есть немало людей, в основном преклонного возраста, которым совсем нечего делать. Важно только постоянно напоминать им, когда, куда и по какому поводу они должны прийти, поскольку они обычно находятся в таком состоянии, что все забывают. Впрочем, по какому поводу они собрались, они забудут, несмотря на все напоминания, но это неважно. Важно просто собрать людей, а для чего именно, они поймут (или не поймут) по ходу дела.

Не надо питать иллюзий о том, что собравшиеся на обсуждение статьи ее прочитают. Собирающиеся на подобные обсуждения делятся на три категории. К первой относятся те, кому совсем нечего делать и кто жадно ловит любую возможность убить время. Ко второй — те, кто очень любит поговорить, причем на любую тему. К третьей — те, кого насильственно загоняют на обсуждение начальники, но эта категория, широко распространенная в советские времена, быстро уменьшается соответственно снижению зависимости ученых от их начальников. У представителей всех трех категорий нет никаких резонов читать вашу статью. Для первый избыток свободного времени все-таки не служит поводом что-то читать, да к тому же, в силу своего возраста, они тут же забывают прочитанное. Вторые приходят высказать свои мысли, а не обсуждать чужие. Третьи — вообще участники поневоле и выразят свой протест против примененного к ним насилия глухим молчанием. А главное, любой настоящий ученый умеет обсуждать то, о чем понятия не имеет, и в обсуждение статьи в основном включатся те, кто ее не читал. При этом некоторые выскажут свое мнение в форме: «Я не знаю, о чем пишет автор, но я с ним не согласен».

Все это ни в коей мере не является препятствиями популяризации вашего научного творения. Вам непременно будет предоставлено вступительное слово, в котором вы и перескажете присутствующим содержание своей статьи, причем сделаете это лучше, чем в тексте, поскольку тексты научных статей всегда бывают подпорчены редакторами. Возможно, кто-то заинтересуется и действительно прочтает ее. Остальные же смутно запомнят, о чем

статья, и куда более отчетливо — свое участие в ее обсуждении. По прошествии некоторого времени эти два ощущения сольются в ощущение того, что они читали статью. Возможно, такой искусственно сфабрикованный читатель покажется не вполне полноценным. Но, во-первых, другого читателя — естественного — найти практически невозможно, во-вторых, в плане осведомленности о научном творении искусственный читатель ничем не уступает естественному.

### **Писательские кирпичи**

Отсутствие у большинства научных статей читателей, разумеется, не избавляет от необходимости их писать (как было показано выше, именно в силу этой необходимости у научных статей читатели и отсутствуют). Умение же писать научные статьи — это не искусство, как думают некоторые, а ремесло, основанное на прочном усвоении ряда простых навыков. Каждый знает, что стандартный размер научной статьи — примерно один печатный лист. И хотя иногда встречаются статьи как меньшего, так и большего формата, они являются исключениями. Печатный лист должен быть магическим знаком для автора: он должен научиться писать, думать и делать все остальное печатными листами. Печатный лист — тот кирпич научного творчества, из которого возведена основная часть научных построек. А ученый — станок, который производит эти кирпичи. Если же в станке что-то сломается и он начнет производить кирпичи нестандартных размеров, то ни один нормальный подрядчик не заключит с ним контракт на строительство.

Из чего должен быть сделан кирпич, то есть из чего должна состоять научная статья? Прочитаем одного авторитетного специалиста в данной области. «В публикациях «переднего края»<sup>3</sup> (журнальных статьях) сформировались нормы, регламентирующие стандартное оформление произведения: автор, сведения об авторе, (в том числе позиция в профессиональном сообществе, адрес, электронная почта), выражение признательности, историография проблемы, методический инструментарий, база данных, представление результатов, обсуждение, выводы». Вариации здесь так же минимальны, как и у обычных кирпичей, которые очень похожи друг на друга и делятся всего на два вида: белые (силикатные) и красные (глиняные). Научные статьи тоже делятся на два основных вида: бывают обзорно-теоретическими и эмпирическими. Другие их разновидности — такая же редкость, как, например, желтые кирпичи. Эмпирические статьи пишутся в том случае, если автор провел какое-либо эмпирическое исследование, осуществил обряд подсчета корреляций, применил регрессионный или факторный анализ, обзорно-теоретические статьи создаются, если он, ввиду дефицита времени или неумения считать, этого не сделал. Эмпирические статьи, правда, тоже содержат обзорно-теоретическую часть — дабы продемонстрировать, что автор умеет не только считать, но и читать. Но здесь она, как правило, предельно редуцирована и может состоять из двух-трех строчек.

<sup>3</sup> При всей популярности понятия «передний край» (науки, научных исследований и др.) следует отметить, что оно многое теряет от того, что не имеет антиподов — более или менее определенных представлений о том, что такое задний или боковые края.

Стандартная логика эмпирической статьи такова. Существует некая важная проблема (вводная часть). Ее изучали зарубежные ученые Дуркин, Кретиненд и Непонимаенз, а также наши отечественные — Тупов и Глупенштейн, и их работы я хорошо знаю (обзорная часть). Но они были полными дураками, поэтому не смогли решить поставленную проблему (критическая часть). Я же, будучи куда умнее, эту проблему безусловно решу (формулировка задачи исследования). Но в качестве первого шага мне надо что-нибудь измерить, в общем, все равно что, но удобнее всего посмотреть, как А влияет на Б (формулировка гипотез)<sup>4</sup>. Я — очень добросовестный, трудолюбивый исследователь, и, если надо, могу тратить время на полную ерунду (изложение полученных в эмпирическом исследовании результатов). Но, несмотря на подобные непроизводительные затраты времени, я сохраняю способность мыслить и не забываю о главном (выводы). И, несомненно, еще принесу большую пользу, если мне помогут — материально или как-либо еще (заключение). Все перечисленные составные элементы должны присутствовать в любой полноценной эмпирической статье, а если какой-либо из них отсутствует, она будет выглядеть примерно так же, как кирпич, у которого отбиты куски, и любой рецензент это заметит.

Обзорно-теоретические статьи более аморфны, и их основные элементы вычленишь труднее. Но все разновидности этих статей можно уложить в некий континуум, две основные части которого задаются мотивацией авторов. В одной его части помещаются статьи, авторы которых пытаются доказать, что все остальные дураки, а они умные, и акцент делают на первой части утверждения. Такие статьи носят, в основном, обзорно-критический характер, а их теоретическая часть — собственные идеи автора — имеет небольшой удельный вес, а иногда и вообще стремится к нулю. Во второй части континуума находятся статьи, авторы которых вводят предположение о том, что все остальные, кроме них, — дураки, как некоторую презумпцию, и делают акцент на демонстрации собственной гениальности. В таких статьях обсуждаются преимущественно собственные идеи авторов или идеи, которые они выдают за собственные. При этом авторы особенно не утруждают себя демонстрацией того, что они что-то читали, в результате к нулю стремится обзорная часть. Два типа обзорно-теоретических статей различаются не только масштабом амбиций, а, стало быть, статусом и служебным положением авторов, но и степенью растраживанности. Статьи, где доминирует обзорная часть, это, в основном, товар одноразового использования. Такая статья, как правило, публикуется один раз и только в одном журнале, хотя ее отдельные части, естественно, могут переноситься из статьи в статью. Статьи же, где преобладает теоретическая часть, никогда одноразовыми не бывают. Авторы всегда публикуют их под разными названиями в разных журналах дабы в научном сообществе осталось как можно меньше тех, кто еще не знаком с их идеями.

<sup>4</sup> Напомним, что автор — психолог (хотя и не совсем), и поэтому обрисовывает стандартную логику эмпирических статей в своей науке. Но, в принципе, похожая логика существует и в других гуманитарных науках, например, в социологии, хотя там подсчитывают, в основном, не коэффициенты корреляции, а количество ответивших «Да» и «Нет» на некоторый вопрос.



В каком именно жанре писать научные статьи — личное дело каждого. Но опыт показывает, что и тут свобода выбора имеет социальные ограничения. Установлено, в частности, что начинающие ученые обычно пишут чисто обзорные статьи; занимающие начальственное положение — теоретические; все остальные — эмпирические. Это отвечает основным принципам развитой демократии, при которой все имеют равные права, но богатые живут в одних кварталах, бедные — в других, люди среднего достатка — в третьих, а попытка поселиться не в своем квартале, скорее всего, ни к чему хорошему не приведет.

Соблюдение принципа «всяк сверчок знай свой шесток» необходимо, но недостаточно для того, чтобы статья была опубликована, причем не через пять лет, а в пределах стандартного полугодичного срока. Нужен еще и «толчок» — влиятельная личность, которая следила бы за тем, чтобы статью не потеряли и не отложили в сторону. Наиболее оптимальный вариант — когда эта личность является ЧР того журнала, в который вы подаете статью, и не вечно отсутствующим, а обычно присутствующим. Лучше — если он ваш родственник или близкий знакомый, но в принципе достаточно и просто хороших отношений, дополненных обязательностью с его стороны.

#### **Преисподняя издательского дела**

Если вы написали статью в соответствии с описанными выше правилами и обзавелись «толчком», ее участь не должна вас беспокоить, — статья с почти стопроцентной вероятностью будет опубликована. Но возникнет еще одна проблема — редактор. Все редакторы делятся на четыре категории: а) редакторы, улучшающие тексты (РУТ), б) редакторы, не вмешивающиеся в тексты (РНВТ), в) редакторы, вмешивающиеся в тексты и портящие их до неузнаваемости (РПТН), г) редакторы, вмешивающиеся в тексты, но портящие их в умеренных пределах (РПТУ).

Первая категория (РУТ) наиболее редкая, да к тому же вымирающая (кто будет всерьез работать за зарплату редактора?), а ее представители столь немногочисленны, что их можно вообще не рассматривать. Вторая категория (РНВТ) является порождением двух обстоятельств: во-первых, формулы «автор текста разбирается в нем лучше редактора», в принципе логичной, ныне признаваемой и некоторыми редакторами, но на практике иногда дающей сбой; во-вторых, тотальной безответственности, характерной для нашего времени. РНВТ вполне приемлемы для большинства авторов, по крайней мере, для умеющих писать, но нежелательны для тех, кто не читает собственные тексты, подавая их с большим количеством ошибок, пропусков, опечаток и т. п. Наиболее же опасен для них третий тип (РПТН), другое название которого — «редакторы-терминаторы». Текст, вышедший из под руки «терминатора», напоминает свиную отбивную. Редкий автор узнает в нем свой изначальный продукт, а если узнает, на его глаза наворачиваются слезы. Спорить с «терминатором» бесполезно — во-первых, потому, что он убежден, что в любом тексте разбирается лучше автора, во-вторых, потому, что в нем заложен инстинкт разрушения. Хорошие личные отношения с «терминатором» не спасают: он портит до неузнаваемости любой текст, причем из лучших побуждений, поэтому, чем лучше он к вам относится, тем больше будет заниматься вашим текстом, а, значит, тем больше его испор-

тит. Превозмочь РПТН можно только двумя способами: либо его убить, либо уговорить его начальника (председателя редколлегии и т. п.) отдать текст кому-то другому. Если же у вас нет ни той, ни другой возможности, смиритесь с тем, что ваше дитя родится сильно покалеченным и вам придется объяснять потенциальным читателям, почему оно — урод. Вообще же большинство редакторов портит тексты не от плохого и не от слишком хорошего отношения к их авторам и не потому, что они слабее этих авторов, а под влиянием различным ситуативных обстоятельств. Например, один из редакторов, сидя около окна с видом на универсам, каждый раз, когда ему попадалось слово «универсум», переделывал его на «универсам» — просто потому, что думал не об универсумах, а об универсаме.

К счастью, в распоряжении автора всегда есть потенциальное средство решения подобных проблем — соавтор. В науке популярно изречение, которое попеременно приписывают то Клоду Бернару, то Паскалю, то кому-то еще: «Если у тебя есть яблоко и у меня есть яблоко и мы ими обменяемся, то у каждого из нас останется по одному яблоку. Если же у тебя есть идея, и у меня есть идея, и мы ими обменяемся, то у каждого из нас будет по две идеи». И, действительно, мудрее не скажешь и не сделаешь. В применении к научным статьям эта формула приобретает такой вид: «Если у тебя есть научная статья и у меня есть научная статья и мы их опубликуем, у нас будет по одной публикации. Если у тебя есть научная статья и у меня есть научная статья и ты возьмешь в соавторы меня, а я тебя, то у каждого из нас будет по две публикации». В условиях, когда количество публикаций — чуть ли не главное мерило ценности научного сотрудника, и каждый из них вовлечен в гонку публикаций, они, естественно, часто прибегают к этому приему. В результате история науки сопровождается постоянным нарастанием, во-первых, удельного веса статей, имеющих более одного автора, во-вторых, среднего количества авторов на научную статью. Если первые ученые писали свои труды в одиночку, то их современные коллеги обычно пишут вдвоем, втроем, а то и впятером, вшестером и т. д. И это понятно, ведь чем больше соавторов у статьи, тем выше шансы каждого из них стать соавтором какой-нибудь еще статьи, а у того, кто на самом деле написал статью, есть хорошая перспектива быть взятым в соавторы каждым из тех, кого взял он. Но и здесь нужно знать меру: статьи, имеющие слишком много соавторов, воспринимаются как братские могилы, имя каждого отдельно взятого соавтора растворяется в длинном списке и потому не запоминается. Тут уместна аналогия с собственностью: если она принадлежит слишком многим, она уже ничья.

Хуже всего соавторам, фамилии которых начинаются с букв, расположенных в середине алфавита. Запертые в список фамилий, начинающихся с первых и последних букв, они, по известному психологическому закону (лучше запоминаются первый и последний члены стимульного ряда), имеют минимальные шансы быть замеченными. Поэтому, если вы хотите иметь много соавторов и множить количество своих публикаций подобным способом, проследите хотя бы за тем, чтобы их фамилии начинались с менее выгодных, чем ваша фамилия, букв. Вообще же практика показывает, что наиболее жизнеспособны авторские тандемы, построенные на базе наиболее простого принципа «ты — мне, я — тебе». За тандемами идут триады, а

квартеты, квинтеты и т. д. в гуманитарных науках встречаются очень редко, хотя весьма распространены в таких дисциплинах, как биология, где трудно не взять в соавторы всех, кто помогал проводить эксперимент, — даже тех, чья роль ограничивалась мытьем пробирок.

Соавторов, естественно, надо выбирать с умом. Принцип «ты — мне, я — тебе» приобретает в этом важном деле объемное звучание. Проще всего выбрать в качестве соавтора коллегу, который публикует примерно столько же, сколько и ты, чтобы предоставлять друг другу примерно равное количество авторских вакансий. Но такой подход обедняет возможности соавторства. Очень полезно брать в соавторы и потенциальных «толкачей», и начальников, у которых, ввиду обилия более важных дел, на подготовку собственных публикаций нет времени, и просто влиятельных коллег, и, особенно, ответственных работников организаций, где есть деньги. Это не всегда дает приращение количества ваших собственных публикаций, но зато может иметь куда более важные эффекты: виде укрепления полезных связей, повышения в должности (если соавтор — начальник), в неформальном статусе (если он — просто влиятельный человек), распространения слуха о том, что вы — приятель (зять, шурин и т. п.) самого Великочина и т. п. Оптимальная стратегия предполагает попеременное соавторство с лицами всех этих категорий. А самый лучший вариант — авторская триада, с состав которой кроме вас входит одно постоянное лицо — ваш коллега Писучий, который удваивает ваши публикации, и одно переменное: то один из ваших начальников, Великочин или Среднечин, то Блатов — коллега, имеющий высокий неформальный статус, то Пробивалов, умеющий пристраивать научные статьи, то Денежный — сотрудник какого-либо научного фонда, то кто-либо еще.

Говоря о научных статьях, надо упомянуть еще две их разновидности, распространение которых служит данью нашему времени: газетные статьи и электронные статьи. Научные статьи в газетах тоже следует разделить на две категории: а) посвященные науке, б) написанные о чем-либо другом, например, о политике или об экономике, но от имени науки, т. е. от имени человека, имеющего ученую степень, что автоматически делает их научными. Первые представляют собой реликтовое явление, поскольку современное общество наукой не интересуется. Вторые, наоборот, явно в моде, поскольку современное общество, хотя и утратило интерес к науке, но почему-то продолжает уважать ученые степени и мнение ученых. Поэтому, если вы хотите опубликоваться в газете, вам лучше написать не о науке, а о чем-то еще, при этом обязательно представившись ученым, т. е. человеком с учеными степенями (они — главный критерий принадлежности к науке, разделяемый массовым сознанием), а лучше — руководителем какого-нибудь аналитического центра, даже если на самом деле вы им не руководите, — проверять не будут.

Газетная научная статья имеет два преимущества перед опубликованной в научном журнале. Во-первых, она короче, обычно не выходит за пределы семи страниц, и, стало быть, написать ее можно быстрее. Во-вторых, ее действительно многие прочитают, и в плане саморекламы автора она эффективнее журнальной. В содержательном же плане она имеет только одно, но очень существенное отличие: должна быть сенсационной, открывающей для читателя что-то новое и интересное. Новое для него открыть несложно, по-

сколько он мало что знает. Интересное — намного сложнее, поскольку он мало чем интересуется. Лучше всего, если вам удастся, например, обосновать связь между приростом населения в Ираке и поведением какого-либо нашего известного политического деятеля. Но сойдет и уведомление о глобальной вселенской катастрофе ввиду роста популяции тараканов или о том, что скоро все население Земли станет лысым и шестипалым — вследствие доминантности соответствующих генов. В этих случаях вам по крайней мере будет обеспечено внимание домохозяек, от которых их влиятельные мужья черпают основную часть своих знаний.

Электронные научные статьи пока не получили широкого распространения, но знающие люди говорят, что за ними будущее. Так это или нет, посмотрим, когда это самое будущее наступит. Но одно ясно уже сегодня: автор электронной статьи свободен как ветер. Ему не надо свое детище куда-то пристраивать, терпеть насилие редактора, обрабатывать членов какой-нибудь редколлегии и т. п. Компьютеры пока не могут похвастать совершенством человеческого ума и еще не додумались до таких величайших порождений человеческого гения, как цензура и бюрократия. Пока они столь несовершенны, электронные статьи очень похожи на воплощение давней мечты большинства авторов — об абсолютной и никем не ограниченной авторской свободе, а в Интернете пока нет ни цензуры, ни бюрократии. Но это ненадолго, поскольку любые виды свободы рано или поздно порождают свои ограничения, а компьютерная бюрократия вне всякого сомнения скоро возникнет и ни в чем не уступит человеческой.

Кроме того, электронная коммуникация и, соответственно, научные статьи, опубликованные в электронном виде, уже сейчас вызывают справедливые нарекания. Во-первых, как показывают социологические опросы, электронной почтой и Интернетом регулярно пользуется не более половины наших ученых (за рубежом — почти все, но это неправильно), остальные же не столько не умеют, сколько не хотят. Во-вторых, этот сомнительный жанр увеличивает количество писателей и не увеличивает количества читателей, что тоже нехорошо. В-третьих, процитируем: «виртуальная коммуникация дестабилизирует распределение статусов и социальную структуру в целом», т. е. стирает различия между начальниками и подчиненными, что совсем уж недопустимо. В-четвертых, нет никаких гарантий, что электронная версия сохранится достаточно продолжительное время и не будет изменена, т. е. практика обязательного экземпляра, обеспечивающая относительную вечность текста, здесь отсутствует. К тому же стираются различия между работой и домом, городом и деревней и т. д., да и вообще вся жизнь превращается в сплошное путешествие по сайтам. И поэтому данный способ научной коммуникации совершенно справедливо называют «преисподней издательского дела».

### **Зомбирование книгами**

Настало время перейти к обсуждению высшего и наиболее престижного продукта научной деятельности — научных книг. Раньше бытовало мнение о том, что лучше — конечно, для карьеры автора, а не для окружающих, — опубликовать одну книгу, чем сто статей, в чем была доля истины. Сейчас по ряду причин, которые мы оставим за кадром, это не верно. Но книги по-прежнему очень значимы для научной карьеры. Во всяком случае, скажем, защитить

докторскую диссертацию практически невозможно, не опубликовав пару книг, а исключения из этого общего правила делаются только для крупных начальников, известных политиков и особо состоятельных бизнесменов.

Издание научных книг подчиняется тому же закону, что и публикация научных статей: они пишутся не для читателей, а для авторов. Как и научные статьи, их, как правило, не читают (исключение составляют только так называемые «учебники», которые студенты читают поневоле). Их, правда, иногда выставляют на полки магазинов, но не с надеждой продать, а просто для того, чтобы что-нибудь там стояло. Если же кто-либо прямо у вас на глазах купит научную книгу, можете не сомневаться: это ее автор, поступающий так потому, что раздарил все свои авторские экземпляры и нуждается в их пополнении.

Здесь-то и заключен основной смысл научных книг, возводящий их на более высокую ступень в табели о рангах научной продукции по сравнению с научными статьями. Книги пишутся еще и для того, чтобы их дарить. В принципе, можно подарить и научную статью, и это иногда делается, но статья в материальном плане — подарок не убедительный. Книга же материальна. Ее можно куда-нибудь поставить, под что-то подложить, заткнуть ею брешь в книжном шкафу или в чем-то еще, ударить по голове непослушного ребенка или найти ей какое-нибудь другое полезное применение. Кроме того книги, в отличие от статей, не выбрасываются сразу, а часто вообще не выбрасываются, становясь частью обстановки того помещения, где обитает ученый. И поэтому у него всегда перед глазами напоминание о подарившем книгу, хочет он того или не хочет. Книга для ученых — примерно то же, что материальный носитель порчи у колдунов: если некая вещь колдуна попала в ваш дом, он может оказывать на вас через нее свое воздействие. Соответственно, подарив кому-либо свою книгу, вы обретаете над ним некую магическую власть и можете использовать этого человека в своих интересах.

Материалистически настроенный читатель, возможно, уловит во всем этом мистику, неприемлемую для его материалистического ума. Но наукой доказано: ученые очень редко делают пакости тем, кто подарил им свою книгу, а подаривший всегда чего-то ждет в обмен на свой подарок и часто получает ожидаемое. А чем еще объяснить эти загадочные факты кроме магической силы подаренных книг, через которые можно осуществлять зомбирование? Если же вы не верите в такую возможность, вам следует знать, что у Резерфорда в лаборатории всегда висела подкова, а на вопрос «Неужели вы, такой серьезный ученый, верите в этот вздор?» он отвечал: «Конечно нет, но говорят, это помогает, даже если не верить».

Дарить книги надо правильно, то есть, во-первых, нужным людям, во-вторых, в подходящий момент, в-третьих, с подходящими надписями. Кого считать нужными людьми, наверное, знает каждый. Время внесло в этот сакраментальный вопрос только одну коррективу. С учетом того, что количество авторских экземпляров, достающихся автору бесплатно, сейчас очень ограничено, а книги стоят дорого (не выкупать же дополнительные экземпляры за свой счет), планку приходится поднимать и дарить свои книги не просто нужным, а самым нужным людям. Остальных же, если они тоже будут напрашиваться на подарок, надо, извинившись за то, что авторские экземпляры у вас кончились, вежливо отправлять в магазин. Они, конечно,

туда не отправятся, но останутся при выгодном для вас впечатлении о высокой востребованности и дефицитности произведенного вами продукта.

К сожалению, не все чувствуют, когда книги следует дарить, хотя для выбора правильного момента, точнее, для отсева моментов неправильных, достаточно элементарного здравого смысла. Представьте себе, например, ситуацию, что вы хотите подарить свое творение некоему Развалюхину, которому давно за семьдесят, который с трудом передвигает ноги и к тому же тащит с собой тяжеленный портфель. И в этот самый портфель вы подкладываете еще один кирпич. Гуманно ли это и не отдаст ли скрытым садизмом? Из приведенного примера должно быть ясно, что книгу нужно дарить только тогда, когда адресат сможет ее непринужденно донести до дома. Во всех же прочих случаях это будет не подарок, а обуза, и именно с таковой, по законам формирования первого впечатления, ваше детище всегда будет ассоциироваться для одаренного.

Еще один пример. Профессор Хламов в вашем присутствии жалуется на то, что у него в квартире мало места и некуда ставить книги. И тут-то вы подбрасываете ему еще одну. Не похоже ли это на откровенное издевательство? Данный пример учит, что книгу следует дарить только тем, кому есть куда ее поставить. Правда, в описанной ситуации заключен один скрытый психологический нюанс. Если вы по ошибке подарите свою книгу тому, у кого хронически нет места, он с высокой вероятностью отправит ее в ближайшую урну или где-нибудь предусмотрительно забудет, а затем будет испытывать перед вами затаенное чувство вины и стараться сделать для вас что-нибудь хорошее. И все же, несмотря на возможность таких нюансов, лучше придерживаться простых принципов выбора момента для дарения, не обременяя своим подарком адресата и не создавая для него проблем.

Самый тонкий вопрос — это вопрос о том, как правильно написать дарственную надпись. Здесь для фантазии дарителя открывается широкий простор. Но и этот простор ограничивается рядом простых и четких правил. Типовая структура дарительной фразы-посвящения такова: а) кому, б) от кого, в) с какими чувствами и пожеланиями. Само собой разумеется, чувства должны быть самыми теплыми, пожелания самыми лучшими, а описывая, кому именно вы дарите свою книгу, не надо сознаваться, что вы на самом деле о нем думаете. Однако существуют и менее тривиальные, но не менее важные правила. Так, например, соотношение «кому от кого» не должно быть в пользу второго, что выглядело бы как высокомерие. Посвящение «Уважаемому от глубокоуважаемого» произведет на адресата неважное впечатление. Нежелательное впечатление производят и пожелания «Занять достойное место», «Оставить след», «Быть верным идеалам» и т. п., поскольку адресат, как правило, считает, что он уже занял достойное место, наследил, т. е. оставил след, всегда был верен идеалам. Поскольку вы никогда не можете знать наверняка, как ваши пожелания будут выглядеть на фоне его самооценки, надежнее ограничиваться пожеланиями счастья, здоровья, материального благополучия и т. п., а также выражением теплых чувств, и не желать ничего конкретного. При этом желать людям лучше то, что у них и так есть, не желая безнадежно больным безупречного здоровья, свежеразведенным — семейного счастья, живущим на одну зарплату — богатства, поскольку такие пожелания могут выглядеть как издевательство над их беда-

ми. Еще надежнее — писать всем одно и то же. Трафаретные посвящения, оттачиваемые годами, не содержат болотистых мест и всегда производят однозначное и полностью предсказуемое впечатление. И не надо избегать желать всем одного и того же из боязни показаться лишенным воображения. Во-первых, существуют некоторые универсальные пожелания, от которых никто не откажется. Во-вторых, не надо опасаться, что человек, которому вы подарили книгу, запомнит дарственную надпись на ней и к тому же станет интересоваться, с какой именно надписью вы подарили ее кому-то еще. Более того, если он случайно увидит, что кому-то другому вы признаетесь в более нежных чувствах, чем к нему, это может ему не понравиться.

Теперь вернемся от телеги к лошади. Чтобы подарить научную книгу, ее, понятное дело, надо сначала написать, но это, как и написание научных статей, в общем, дело нехитрое. Самый простой и наиболее часто практикуемый способ написания научных книг — их компоновка из научных статей. По крайней мере, свою вторую книгу (первая — это кандидатская диссертация с измененным введением) большинство ученых пишет именно так. То есть они берут около десятка своих статей, складывают их вместе, объединяют введением, добавляют заключение, и книга готова.

Поскольку самая первая из складываемых таким образом статей может быть опубликована лет пять назад, то самые добросовестные иногда немного освежают материал, но в этом нет особой необходимости. И все же подобный способ создания книг требует аккуратности. Прежде всего, нельзя допускать, чтобы в книгу просочился идеологически устаревший материал. Это особенно актуально для обществоведов старшего поколения, труды которых изобиловали цитатами некогда очень значительных, но давно вышедших из фавора людей. Таких авторов подводят две вещи. Во-первых, условные рефлексы: если человек несколько десятков лет в каждой своей работе цитировал Маркса и Энгельса, ему уже трудно остановиться и перестать это делать. Во-вторых, элементарная неаккуратность, отсутствие привычки читать свои книги перед публикацией.

Представим себе обществоведа, с одной стороны, имеющего репутацию стопроцентного демократа и возвысившегося благодаря ей, с другой — публикующего книгу, в которой одна глава посвящена Марксу, цитируются многие партийные руководители прежних времен, а родоначальником системного подхода назван не Л. фон Берталанфи, а человек, курировавший одну из наших общественных наук по линии ЦК КПСС. Теоретически издание такой книги могло бы повредить его демократической репутации, а выручило его то самое качество научных книг, которые они разделяют с научными статьями: их мало кто не читает. Тем не менее, подобных ситуаций лучше избегать, а их причина сколь проста, столь и поучительна: ученый-демократ создал свое новое творение путем компоновки своих старых работ, написанных в ту пору, когда было выгодно быть убежденным марксистом, и не удосужился их вычитать.

### **Книжная генетика**

Еще одно правило, которое необходимо строго соблюдать при создании книг методом компоновки — устранение дублирований. Дело в том, что у любого ученого есть излюбленный материал — факты, цитаты, анекдоты и

т. п., которые гуляют из одной его статьи в другую. Если сложить его десять статей, то один и тот же анекдот будет рассказан десять раз, а одна и та же цитата десятикратно процитирована, что, естественно, утомит читателя, если таковой все же найдется. Поэтому перед публикацией книги ее надо внимательно вычитать и устранить или, по крайней мере, свести к минимуму повторы. Это несколько уменьшит объем текста, зато позволит автору избежать имиджа глубокого склеротика, который постоянно забывает, о чем уже писал. А ввиду неизбежного сокращения текста при его вычитывании для того, чтобы написать книгу размером, например, в десять печатных листов, надо сложить не десять, а одиннадцать статей длиной в лист. Данное обстоятельство, кстати, говорит о том, что в процессе подготовки научных текстов законы арифметики могут нарушаться.

Когда написана первая книга, появление второй, третьей, десятой и т. д. — уже дело времени. Книги, как и подавляющее большинство живых организмов, имеют свойство размножаться. Размножаются они, как и все живое, либо путем отделения и последующего разрастания отделившейся части, либо в результате соединения двух разных особей. Первый путь состоит в том, что автор берет какую-либо часть своей книги и наращивает до размеров новой книги, причем одна материнская особь может дать жизнь практически неограниченному числу детенышей. Второй путь характерен для более зрелых авторов, имеющих не менее двух книг, и заключается в том, что автор берет часть своей книги, часть другой, соединяет их вместе и таким образом komponует новое произведение. Второй вид размножения может быть реализован и путем перекрестного опыления, суть которого в том, что первую часть книги приносит один автор, вторую — другой. При всех различиях этих способов размножения их роднит главное: любая книга должна иметь минимум одного родителя, а самозарождение является чисто умозрительным вариантом.

Один из главных вопросов книжной генетики — вопрос о том, в какой мере дети похожи на своих родителей, каковы здесь допустимое сходство и возможные вариации. Считается, что для того, чтобы книга считалась новой, она должна отличаться от любого из своих родителей хотя бы на 25%, то есть не менее 25% текста должны быть новыми (иногда называются и другие цифры: от 10 до 40%). Отсчитать эти 25% возможно только теоретически, да и ни один нормальный человек не станет этим заниматься. В результате у книг сходство между родителями и детьми варьирует в широких пределах, иногда выходящих за рамки формально допустимого. Можно, хотя и редко, встретить минимальное сходство, уловимое только патологически внимательным читателем, а иногда встречается почти полное сходство, вплоть до существования двух абсолютно идентичных особей, различающихся только именем, то есть заглавием. В последнем случае автор размножает свои произведения путем клонирования, в остальных — путем комбинаторики.

Поскольку второй тип книготорчества является типовым, главное качество высокоплодовитого автора — владение искусством комбинаторики. В принципе, можно и вслепую сложить куски своих прежних книг в расчете на то, что возникшее новообразование все равно мало кто будет читать, а те, кто все же удосужится это сделать, не настолько внимательны, чтобы уловить смысловое несоответствие. Но все же авторы не любят, чтобы их дети



были похожи на кентавров, и стремятся придать им более гармоничный вид. Это требует не только хорошей памяти — о том, что ты писал, но и развитых комбинаторных способностей, в случае отсутствия которых автору лучше размножать свои творения не путем скрещивания разных особей, а путем «отпочковывания» от одного родителя.

Тут весьма уместным оказалось одно из главных изобретений прошлого столетия — компьютер, с появлением которого книг стало издаваться намного больше. Прежде, в докомпьютерную эру, авторы размножали свои детища с помощью довольно-таки варварской вивисекции — вырывая куски из своих прежних творений, складывая их вместе и отдавая машинисткам на перепечатку. Компьютер избавил их от этой живодерской привычки. Теперь новые книги рождаются из старых прямо в компьютере, быстро и органично объединяя разные органы в новые организмы, и в таких инкубаторных условиях процесс книгорожения проходит совершенно бескровно. Эти условия хороши и для книг, и для авторов, которых компьютер сделал более плодовитыми. Проиграли только машинистки, которые остались почти без работы и вообще, повсеместно вытесняемые компьютерами, превратились в вымирающую профессиональную группу.

Важным достоинством компьютера является и то, что он исправляет опечатки, которые некогда были настоящим бичом издающихся книг, поскольку авторы, как правило, не удосуживались их вычитывать, полагаясь на редакторов, а редакторы, в свою очередь, полагались на авторов. Вместе с тем было бы ошибочным видеть в опечатках только дурную сторону. Они одновременно служили одной из самых ярких и интересных сторон многоликой жизни науки, а тот, кто соберет их более или менее полную коллекцию, вне всякого сомнения, удостоится всеобщего признания, но почему-то пока никто этим не занимается — очевидно, из-за пугающей грандиозности задачи. Любой психолог, разумеется, знает, что опечатки и описки — одно из главных проявлений бессознательного. Соответственно, опечатки в научных текстах — это проявление колоссального по своим масштабам и значимости бессознательного науки, выражающее ее сущность. А одна из наиболее ярких опечаток, которую внесла в сокровищницу мировой науки отечественная философия, — фраза «Познай самого себя», в последнем слове которой буква «с» была опущена, — несомненно свидетельствует о том, что и в основе бессознательного науки лежит скрытая и весьма специфическая сексуальность.

Сродни опечаткам и еще одно яркое проявление бессознательного науки — выпадение кусков текста. Совершенно ясно, что автор бессознательно удаляет таким образом из текста то, против чего испытывает скрытый протест, это разновидность неосознанного вытеснения. Так, например, в советское время некий автор, отругав, как полагалось, буржуазную науку, перешел к дифирамбам марксизму, вся же переходная часть текста куда-то исчезла, в результате чего ругань предстала относящейся к марксизму, что, несомненно, выражало скрытые убеждения автора. Подобные проявления бессознательного могут дорого стоить, и автор должен бдительно следить за этим бессознательным, подвергая его строгой цензуре, а, если понадобится, и подавлению заложенных в нем запретных желаний.

Что касается содержания книги, то оно, как и любое другое содержание, большого значения не имеет. Во всяком случае, установлено, что содержа-

ние книг, то, о чем именно ученый пишет, никак не коррелирует с его продвижением по службе: большим начальником может с равным успехом стать и изучающий крыс, и стремящийся перевоспитывать человечество. К тому же хорошо известно, что автора всегда понимают не так, как он сам того хочет, а написанное никогда не эквивалентно прочитанному. Именно этот факт лежит в основе современной герменевтики, да и вообще текст, некогда рожденный автором, в дальнейшем ведет самостоятельное и независимое от него существование. Как принято говорить, «текст разлит по бутылкам», то есть создан не для единственного адресата, а для сообщества читателей (если его никто не читает, это не изменяет ситуацию), которые понимают и интерпретируют его не так, как автор<sup>5</sup>. Да и в процессе своего рождения текст достаточно автономен от автора, который хочет написать одно, а пишет совсем другое. Разница между тем и другим может быть проиллюстрирована примером, который приводят два известных социолога в книге с красноречивым названием «Открывая ящик Пандоры», которая должна была бы стать настольной книгой всех прочих социологов, но почему-то не стала.

Что пишется	Что имеется в виду
Давно известно, что...	Я не удосужился записать точными ссылками...
Хотя не оказалось возможным найти точные ответы на поставленные вопросы...	Эксперимент провалился, но я считаю, что, по крайней мере, смогу выжать из него публикацию
Три образца были отобраны для детального изучения...	Результаты, полученные на других образцах, не давали никакой почвы для выводов и прогнозирования
Имеет большое теоретическое и практическое значение...	Интересно для меня
Утверждается... представляется... считается, что...	Я считаю
Общепринято, что...	Еще двое отличных ребят думают точно так же
Наиболее надежными следует считать результаты, полученные Джонсом...	Он был моим аспирантом

### Цитатное поведение

Так называемые семиосоциопсихолингвисты (есть и такая профессия) подсчитали, что собственно смысловую нагрузку несет не более 20% любого текста, а все остальное — словесная мишура, либо не нужная вообще, либо выполняющая совсем другие, а не смысловые функции. Какие же именно?

Прежде всего, функции, которые выполняет цитирование. Соответствующее поведение ученых именуется цитатным поведением и изучается соответствующим разделом науки о науке. Ею доказано, что вообще-то цитаты

<sup>5</sup> Отсюда очевидное следствие, которое формулирует, например, У. Эко: «Если текст вызывает вопросы, бессмысленно обращать их к автору».

не нужны, — то, что говорится посредством цитат, может быть куда короче и яснее сказано без их помощи. Однако, несмотря на это цитатным поведением является одним из самых важных видов поведения ученых, и, не имея какого-либо когнитивного смысла, выполняет ряд важных социальных функций. Во-первых, функцию демонстрации идеологической лояльности автора, особенно важную в не слишком демократических обществах. Именно ее выполняло цитирование Маркса, Энгельса, Ленина и прочих сакрализованных личностей в советские годы, без которого было невозможно издать ни одну научную книгу. Во-вторых, близкую ей функцию демонстрации идеологической прогрессивности автора — как, например, при оперативном поливании грязью тех же личностей в случае крутого изменения политического курса. В-третьих, функцию демонстрации высокой эрудиции автора. Цитирование или, по крайней мере, упоминание большого количества работ создает иллюзию, будто он их прочитал (что, как было показано выше, на самом деле не так), и уже за это его труд заслуживает снисхождения. В-четвертых, функцию «поедания пространства». Любой автор в той или иной мере испытывает дефицит идей, ведь думать ему некогда, поскольку приходится постоянно писать, а если писать не чем, то лучший способ чем-либо заполнить текст — цитирование чужих работ. Именно в силу данного обстоятельства основную часть подавляющего большинства научных книг составляет изложение чужих мыслей. В-пятых, декоративную функцию. Яркая и уместная цитата украшает текст и опять же очень хороша в тех случаях, когда сам автор не способен писать ярко. Ну и, наконец, в-шестых, цитирование выполняет функцию упоминания нужных людей, важную для установления с ними хороших отношений, а, значит, и для карьеры автора (см. таблицу 1).

Таблица 1

### **Основные функции цитирования**

Функция
Демонстрация идеологической лояльности
Демонстрация правильной идеологической ориентации
Демонстрация эрудиции
«Поедание пространства»
Украшение текста
Упоминание нужных людей

Кого именно нужно цитировать? Насчет сакрализованных личностей уже было сказано. Важно лишь следить за тем, чтобы это были действительно важные личности, а не списанные в тираж авторитеты — как в случае упомянутого выше обществоведа. Далее надо обязательно процитировать «своих»: своих начальников — непосредственного и вышестоящих, а также наиболее влиятельных членов того клана, к которому принадлежишь. Поскольку настоящие ученые неукоснительно следуют этому правилу, «своих» они цитируют намного чаще, чем «чужих». В результате в науке наблюдается так называемый «школьный эффект»: цитируются, в основном, представители своей школы и той теоретико-методологической ориентации, которой она придерживается. Ну и, конечно, очень важно процитировать всех

тех, кому намереваешься подарить свою книгу. Первое, что сделает каждый из них — посмотрит, есть ли в вашей библиографии его работы, и если таковых не окажется, подаренная вами книга тут же окажется в мусорном баке, вы же приобретете не покровителя, а недоброжелателя. А вот друзей, вопреки распространенному мнению, цитировать не обязательно. Друг — он и так друг, и, как установлено эмпирически, дружеские отношения практически независимы от цитат-поведения.

У науки о книгописательстве есть и нерешенные вопросы, относительно которых нет единства мнений. Например, бытует мнение о том, что самая важная часть книги — обложка, и главное — издать книгу непременно в твердой и красивой обложке, а все остальное имеет второстепенное значение. Ему противостоит другое мнение — о том, что обложка должна быть красива, но не важно, твердая она или нет. Разбираясь в этом важном вопросе, надо учитывать различия в менталитете возрастных категорий ученых: доказано, что если для представителей старшего поколения наиболее важны тип обложки и количество исписанных листов, то для их более молодых коллег — тираж книги. Как всегда бывает в подобных случаях, отчасти правы обе стороны. Так, всем известно, что хорошая книга должна Стоять, то есть не должна падать (это плохая примета), будучи поставленной на свою торцевую часть. Тонкая же книжка, к тому же упакованная в мягкую обложку, стоять не будет. Зато читать в метро удобнее покетбуки в мягкой обложке, а Стоящая книга все же не должна быть настолько тяжелой, чтобы под ее тяжестью падал читатель. Кроме того, напомним, что подаренная книга становится частью домашней обстановки для того, кому вы ее дарите. Естественно, книгу в более красивой и солидной обложке он поставит на видное место, а некрасиво оформленную книгу куда-нибудь задвинет. Поэтому, подарив красивую книгу, вы будете чаще напоминать ему о своем существовании. В то же время книга в твердой обложке занимает больше места и имеет больше шансов оказаться на помойке. В общем, вопрос об оптимальном типе обложки пока не имеет однозначного решения.

Зато не вызывает никаких сомнений последний, завершающий этап книгоиздательского цикла — вопрос о том, что нужно сделать, чтобы книгу заметили. Книгодарение, конечно, очень важная вещь, но, поскольку всех нужных людей не одаришь, оно больше служит улучшению точечных отношений к автору, нежели пропаганде его творений. Основное же средство пропаганды — рецензии на книгу, опубликованные в наиболее престижных журналах (иногда — в газетах). Такие рецензии не пишутся спонтанно — за исключением тех случаев, когда их пишут явные недоброжелатели, по каким-либо соображениям стремящиеся очернить вашу книгу. Рецензии надо организовать, попросив двух-трех (можно больше) авторитетных ученых их написать. Поскольку авторитетные ученые не любят тратить на это свое время, рецензии на свой труд пишет сам автор, а авторитетные ученые лишь их подписывают. И здесь важно уметь написать на себя две-три разные рецензии, ибо если авторитетный рецензент заметит, что в каком-либо другом журнале под другим именем опубликована точно такая же рецензия, в следующий раз вам придется искать другого и менее авторитетного рецензента.

В последние годы получает все более широкое распространение и такая форма привлечения внимания к книгам, как их презентации. Форма эта бес-

проигрышная, поскольку на презентациях говорят только хорошее. Но ее эффективность и самая возможность зависит от возможности и готовности автора книги организовать банкет. Если банкета не будет, никто не придет и на презентацию — за исключением разве что членов его семьи. Если он будет, то, во-первых, придут почти все приглашенные, во-вторых, книга запомнится ими на фоне банкета и всегда будет вызывать приятные ассоциации, а упоминание о ней — желание выпить.

И в завершение публикационной темы еще один полезный совет, адресованный тем, кто совсем не умеет писать и, с одной стороны, хочет издать книгу, с другой, — не без оснований боится, что ее кто-нибудь увидит и, не дай бог, начнет читать. Для него есть хороший выход — депонирование рукописи. Депонированная, то есть достаточно виртуальная рукопись, существующая в одном экземпляре, надежно похороненном в спецхране какой-либо библиотеки, считается полноценной публикацией и в то же время с почти стопроцентной гарантией никем и никогда не будет прочитана. У нее есть только один недостаток — ее нельзя подарить, а, следовательно, использовать как носитель зомбирующих возможностей подаренной книги. Зато все остальные дивиденды она дает, и, даже не умея писать, вы имеете шанс стать автором десятка-другого опубликованных монографий. И в этом состоит одно из очередных проявлений гуманности и демократичности науки, которая дает шанс каждому.